

Кудрявцева Мария Константиновна, 13 лет, ученица МОУ СОШ №17
Г.о.Подольск Московской области.

Во что веришь, то и есть

На своем журналистском веку повидал я немало разных интересных мест, встречался с очень необычными людьми, но поездка, выпавшая в январе 2019 года, запомнится мне надолго...

Сразу после новогодних праздников вызвал меня к себе главный редактор и заявил, что нашему скромному городскому журналу явно не хватает интересных статей из культурной жизни.

- Ну, и где будем искать интересные события из культурной жизни? – с усмешкой спросил я, намекая на бедную на развлечения провинциальную жизнь.

- А вот этим ты и займись! Ты же у нас опытный журналист, - в ответ сыронизировал главред.

Вернувшись домой, я застал своего сына за чтением толстой книжки Павла Бажова.

- Откуда такая любовь к чтению, Сереж? – спросил я сына.

- В школе задали... У Бажова юбилей, - горько буркнул мой пятиклассник (читать книги он не любил).

Потрепав сына по голове, я сел к ноутбуку в поисках «интересных событий из культурной жизни». Вдруг меня осенило, и я быстро вбил в поисковую строку «Бажов юбилей». Углубившись в чтение сетевых статей, я постепенно стал понимать, что со сказами Бажова не все так однозначно. Многие интернет-авторы спорили: одни говорили, что Бажов собрал уникальный уральский фольклор, другие уверяли, что Бажов вынужден был сочинить сказы, так как никакого особого уральского фольклора не существует. «Чем не тема для статьи?» - подумал я и тут же позвонил главреду.

- Добро! Только недолго раскачивайся, даю три, максимум 4 дня. У нас номер горит! – спешно ответил главный и повесил трубку. «Уложимся!»- решил я и...на следующий день вылетел в Екатеринбург.

Ранним утром я приземлился в аэропорту Екатеринбурга. Зевая и пожевываясь (как назло, в январе резко ударили морозы), я быстро вошел в здание аэропорта и первым делом уточнил в интернете адрес дома Бажова в Екатеринбурге. Уже к десяти часам утра я был у дверей мемориального дома П.П.Бажова по улице Чапаева, дом 11. Смотритель музея будничным голосом согласилась рассказать мне о музее. К сожалению, ничего обычного в ее

рассказе не было, эту информацию я прочел еще в Москве. И я решился на провокацию:

- Скажите, а правда, что все сказы Бажов сочинил сам?

- По одной из версий, Павел Петрович много общался со сторожем заводского склада Василием Хмелининым. И уже на основе его историй написал свои сказы, - без тени удивления ответила смотритель.

- А остальные герои тоже существовали в реальности? – продолжал допытываться я.

- Вряд ли, скорее, это собирательные образы, - чуть усмехнувшись, ответила смотритель. – Но, если Вы хотите больше проникнуться местным фольклором, отправляйтесь в Полевской, там тоже есть музей Павла Петровича.

Попрощавшись с мемориальным домом Бажова, я решил отправиться в этот самый Полевской. Оказалось, что Полевской располагается рядом с Екатеринбургом, в полутора часах езды на автобусе. Добрался я туда быстро, но музей уже оказался закрыт и мне нужно было где-то переночевать. Дело было к ночи, мороз усиливался, а мой ноутбук совсем отказывался искать адрес ближайшей гостиницы. Промучившись с техникой, я понял, что ночлег нужно искать по старинке: спрашивать прохожих. На улицах было малоллюдно, и я обратился к первой попавшейся мне женщине.

- Ой, вам переночевать нужно? Так у меня комната пустует. Пойдемте!- удивительно быстро предложила мне местная жительница.

Я согласился не раздумывая, так как чувствовал, что начинаю замерзать.

Пока мы шагали к моему ночлегу, я выяснил, что женщину зовут Анастасией, живет она в старом доме со свекром дедом Василием. Был у Насти и муж Степан, да погиб он на руднике во время завала. Есть у Насти дочь Танюшка, учится в Екатеринбурге в Уральском техникуме на камнереза. А сама Настя работала на заводе, да надорвала спину и теперь перебивается временными заработками. Так за разговорами мы дошли до ночлега.

Дом Насти оказался старым, но добротным – настоящий уральский дом.

- Это дом родовой, семьи моего Степана. Его еще дед Степы строил, - опередила мой вопрос Настя.

Обстучав снег с ног в сенях и раздевшись, мы вошли в комнату. При тусклой электрической лампочке за столом читал газету старичок.

- Здравствуй, дед Василий! А я нам постояльца нашла! Недорого, но обещал заплатить сразу, - бойко выпалила Настя, подмигивая мне.

- Здорово, мил-человек! Из каких краев к нам? – обратился ко мне старичок, приспустив очки с носа.

- Из самой Москвы, дедушка. Про Бажова писать хочу, - степенно ответил я.

Дед водрузил очки обратно на нос и пристально посмотрел на меня.

- Слышь-ко! Про Бажова... Многие про него пишут, да не многие правду знают, - пробормотал дед.

Пока Настя спешно собирала на стол ужин, я сидел на другом конце стола и разглядывал деда Василия. Это был очень пожилой человек, в старой клетчатой рубашке, теплых, с начесом, штанах и подшитых валенках. Старик был полностью седой, волосы вились около ушей и на лбу (дед явно не любил парикмахеров). Седая борода клинышком ложилась на распахнутый ворот рубашки. Дед в молодости вероятно был крепким человеком, крупные, натруженные кисти рук выдавали в нем рабочего человека.

Мы скромно поужинали, и Настя ушла в соседнюю комнату стелить мне постель. Дед Василий пару раз вскидывал на меня глаза, но продолжал молча изучать газету. Настя пожелала мне спокойной ночи, да и сам я уже мечтал вытянуться на кровати, как вдруг дед Василий остановил меня со словами:

- Слышь-ко, мил человек? А что ты про Бажова писать собрался?

Я немного оторопел. Я сел за стол рядом с дедом и поведал ему о своем желании поставить точку в вопросе истинности сказов Бажова: выдумка они или же художественный рассказ о реальных событиях.

Дед задумался, погладил бороду, поправил на носу очки:

- Искать правду завсегда хорошо. Только она может сильно удивить человека. Готов ли ты, мил-человек, удивляться?

- Готов! – бодро ответил я, при этом ощутив холодок по спине.

- Ну, слушай!

Дед Василий стал неспешно рассказывать мне об истории Полевского, о Сысертских заводах, о мастерах-камнерезах и начальниках-самодурах, о красоте и богатстве уральского края. Под дедов рассказ я даже начал засыпать, как вдруг во мне проснулся журналист:

- Это все хорошо, дед Василий, но мне нужны факты! А такие рассказы я и в музее уже слышал.

Дед Василий вскинул свои седые брови и даже слегка их нахмурил. Шлепнув ладонью по столу, дед произнес:

- Ну, что ж! Будут тебе факты.

С этими словами старик прошаркал валенками до своей кровати со множеством подушек под ажурной накидкой. Покопавшись у самой стены, дед вытащил сверток в холщовом мешке. Вернувшись к столу, дед Василий торжественно положил сверток на стол и стал неспешно его разворачивать. Из мешка появился некий предмет, завернутый в несколько слоев местной газеты. Когда оставался последний слой обертки, старик с гордостью вынул и показал мне небольшую рамку с фотокарточкой. Я принял портрет из рук старика и рассмотрел: это была фотография девушки, еще совсем подростка, черноволосяя и зеленоглазая красавица хитро улыбалась мне.

- Красивая!- сказал я деду. – Но какое отношение это имеет к Вашему рассказу?

Дед аж взметнулся после моих слов:

- Да как какое? Ты посмотри внимательно, это ж вылитая Танюшка из «Малахитовой шкатулки»!

- В те времена фотографию еще не изобрели, уважаемый, - решил я разоблачить старика.

- Да уж знаю я, мил-человек! Это фотография моей внучки Тани, дочки Степана покойного и Насти.

- И что? – не сдавался я.

- Как что? Похожи ведь! Значит, такие, как Танюшка у Бажова, взаправду существуют.

Тут уж я рассмеялся окончательно:

-Дедушка, милый! Так Россия всегда красивыми девушками славилась. А Урал так особенно. Причем тут Бажов?

- Хорошо, - посуровел дед. - Смотри сюда!

С этими словами старик до конца развернул таинственный сверток.

На столе оказалась настоящая малахитовая шкатулка, с красивыми витиеватыми каменными узорами и медным отблеском. По всему камень был настоящий, старинный. Дед Василий не спеша открыл шкатулку и повернул ее ко мне. Внутри лежали украшения из малахита: настоящий женский прибор, как называли местные, - кольца, серьги, бусы и «протча по женскому обряду», как писал в своих сказах Бажов. Я аккуратно вынимал каждый предмет и раскладывал на столе – казалось, что вся комната наполнилась сочным зеленым светом. На самом дне шкатулки я нашел несколько зеленых

малахитовых зернышек и круглых, отшлифованных плашек. Я молча рассматривал эти богатства.

- Ну? – довольно заговорил дед Василий. – Доказал я тебе, что Бажов правду писал?

Я ответил не сразу, мысли мои пытались найти во всем этом логику.

- Хорошо. Глупо не верить в настоящее мастерство уральских камнерезов. И «прибор» этот могли в честь сказов Бажова вырезать. Но это не доказывает подлинность событий тех лет.

- Слышь-ко, недоверчивый! – взвился дед Василий. – Каких еще тебе доказательств? Танюшка моя вылитая, как в сказе, на камнереза учится. Сын Степан, царствие небесное, на руднике сгинул, настоящий резчик по малахиту был. Невестку Настей зовут. Я сам полжизни на заводском складе сторожем отработал. И шкатулку эту в нашем роду по мужской линии с давних времен передают от отца к сыну. Только вот беда со Степкой случилась, и шкатулка ко мне вернулась – нет у меня внуков, кому передавать? Прервется теперь род Хмелининых...

Дед Василий печально опустил на стул. А я судорожно стал увязывать воедино услышанное. «Это что же получается? Передо мной потомок того самого Хмелинина, деда Слышко? Бред какой-то! Так не бывает! Что остается делать одинокому старику, потерявшему сына? Предаваться мечтам. Красиво же получается. Но откуда у него такая старинная шкатулка с очень похожими на сказочные украшениями?» – такие мысли кружились у меня в голове.

Я не заметил, как дед Василий тихо улегся на кровать и повернулся лицом к стене, разговаривать он больше не хотел. Я старательно сложил малахитовое богатство в шкатулку, завернул ее в газету. Еще раз взглянул на веселое лицо Танюшки и сложил все в мешок. Даже лежа на кровати, я продолжал размышлять об услышанном и задремал лишь под самое утро.

Проснувшись, я не застал Насти в доме – она уже убежала на очередную работу. На столе меня ждал нехитрый завтрак. Деда Василия тоже дома не было. Позавтракав, я собрал сумку и оставил на столе плату за ночлег больше, чем мы договорились.

Выйдя на крыльцо, я увидел деда, сидящего на скамейке. На дворе было солнечно, но морозно, а дед будто не замечал холода. Поравнявшись с дедом Василием, я хотел его поблагодарить за жилье и рассказ, но старик опередил меня:

- Слышь-ко, мил-человек! Воля твоя, верить или не верить. Статью пиши, но про меня не говори. Пришлешь сюда репортеров и телевизионщиков,

я от них спрячусь – ничего им не узнать. Если мне не веришь, то пока до своей Москвы доберешься, внимательно примечай вокруг.

С этими словами дед Василий скрылся в доме.

Сказать, что я глубоко размышлял всю дорогу, - ничего не сказать. Наверно, так же задумчиво я сел бы в автобус до Екатеринбурга, если бы не одно обстоятельство. Остановка на автовокзале была конечная, из автобуса высаживали всех пассажиров, прежде чем впустить новых. Последней из автобуса вышла женщина, задев меня рукой. Толчок был ощутимый, и я подумал: «Будто камнем попали». Оглянувшись на вышедшую женщину, я оторопел: это была женщина небольшого роста, стройная да ладная, в красивом зеленом пальто и русском платке с узорами. И там, где заканчивался платок, выглядывала ссиза-черная коса, будто прилипшая к спине. «На конце ленты не то красные, не то зеленые», - вспомнил я строчки сказа Бажова. Тряхнув головой, я быстро сел в автобус.

За всю дорогу до Москвы я не написал ни строчки – крепко спал. Дома я взял у сына книгу сказов Бажова, еще раз перечел «Малахитовую шкатулку» и «Медной горы Хозяйку» и принял решение: я ничего не расскажу в своей статье о деде Василии, его семье и старинном богатстве. Пусть все думают, что сказы Бажова – плод воображения писателя. Во что веришь, то и есть.